

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тринадцать лет назад

Торн

Отец никогда не оставлял попыток превратить железо в золото. Пятилетняя Торн всегда составляла ему компанию, пока он работал, хотя все дети ее возраста предпочитали проводить долгие жаркие летние дни, играя на городских улицах.

Торн любила своего отца, и ей нравилась его работа. Время, проведенное вместе, дорогого стоило, даже несмотря на то, что ему не удалось создать ничего драгоценного. Для нее он всегда оставался волшебником.

— Торн, — позвал отец, отвлеченный обжигающим жаром пламени, которое едва поддавалось контролю. — Можешь передать мне ту... штуковину... такую...

Никто, кроме Торн, не понимал, что именно нужно отцу. Она протянула ему тяжелые железные щипцы, и он осторожно извлек крепкую круглую стеклянную колбу, наполненную расплавленной жидкостью, которая держалась над огнем в железном кольце.

Руки его стали слабее и тряслись, пока он сжимал щипцы. Сердце бешено колотилось, пока она обеспокоенно наблюдала за отцом, который переносил фляжку на обугленный деревянный верстак толщиной в четыре дюйма. Несмотря на дрожащие руки, ни капли содержимого не пролилось. Отец всегда осторожничал в ее присутствии.

— Что ты изменил в эксперименте на этот раз, папа? — спросила она, с любопытством наблюдая за светящейся жидкостью внутри колбы. Девочка знала, что цвет со временем изменится. Результат эксперимента станет известен после того, как жидкость остынет.

Она болтала ногами, а по спине у нее струился пот. Они проводили целые дни в мастерской, пока папа создавал элемент за элементом. Но золото у него пока так и не получалось. Ни Торн, ни ее отец не впадали в уныние от того, что у них что-то не выходило. Вечерняя прогулка по городу под лучами летнего солнца быстро развеивала их разочарование. А после они проводили мозговой штурм, обсуждая разные способы того, как превратить очередной кусок железа в золото.

Торн прищурилась, глядя на жидкость. Что-то изменилось.

— Я заменил один из реагентов на...

Отец Торн умолк, широко раскрыв глаза, и уставился на колбу.

Молниеносным движением он схватил маленький молоток и резко стукнул по ней, отчего стекло разлетелось вдребезги. Торн вздрогнула от громкого звука.

— Ты разбил его, папа!

Взгляд метнулся от разбитого стекла, разлетевшегося по столу, к мягкому диску полутвердого металла. Но не простого металла, а золота.

Золото!

— Папа, ты сделал это! — воскликнула Торн, в волнении вскочив на ноги.

Отец выронил щипцы, подхватил ее на руки и закружил по мастерской. Его тронутые седьмой волосы щекотали щеку.

— *Мы* сделали это, моя розочка, — поправил он, поцеловав ее в лоб и крепко прижав к груди.

— Мама была бы так счастлива!

— Конечно, была бы. Посмотри-ка на нас. Неудержимая команда.

Щеки разболелись от широкой улыбки. Люди в деревне всегда шептались о ее маме, но никогда не говорили о ней вслух. С папой все было иначе. Они видали лучшие времена. Иногда по ночам она все еще оплакивала маму. Боль оставалась столь же острой и мучительной, как

в тот день, когда умерли мать и младшие сестры Торн. Но бывали дни, подобные сегодняшнему, когда жизнь казалась прекрасной.

Отец опустил ее на землю, и Торн вытерла руки о юбку выцветшего голубого платья. Она сморщила нос от отвращения, увидев грязные черные разводы на ткани и на ладонях.

— Мы такие грязные, — простонала она.

Вечером отец наверняка заставит ее искупаться. Она ненавидела принимать ванны. Вода слишком быстро остывала.

Папа провел пальцем по своей покрытой сажей щеке и вытянул руку, ухмыляясь.

— Я еще хуже, чем ты, так что сегодня вечером можешь принять ванну первой. К тому же мы должны отпраздновать это событие за ужином. Если поторопишься, мы даже успеем захватить несколько пирожных из пекарни, пока они не закончились.

Она взвизгнула и побежала в ванную, шлепая босыми ногами по каменному полу. Торн прошла мимо кипящей на слабом огне воды, схватила с тарелки кусок мыла, опустила руки в холодную воду и начала тереть. Она привела себя в порядок так быстро, как только смогла, а затем метнулась в свою комнату, чтобы переодеться в другое платье. Торн сунула ноги в ботинки и вышла за дверь, направляясь в пекарню.

— Минутку, девочка моя, — позвал отец, закрывая деревянную дверь. Торн резко оста-

новилась, и он протянул последние оставшиеся монеты, а после обхватил ладонями ее щеки и поцеловал в лоб. — Я пойду прямо за тобой. Не разговаривай с незнакомцами.

— Хорошо, папа.

— А теперь иди. Я заплачу свечнику, а потом встречусь с тобой на окраине.

Она кивнула и побежала в город знакомой дорогой. В него почти никогда не приезжали новые лица.

Торн увидела окрашенную в желтый цвет пекарню и толкнула дверь. Жизнерадостный колокольчик возвестил о ее прибытии. Грузный мужчина, управляющий пекарней, ласково улыбнулся подошедшей к прилавку девочке. Она приподнялась на цыпочки и положила монеты на стол, едва выглядывая из-за поверхности.

— Что хочешь, девочка? — спросил он. — Буханку хлеба? Еще у меня есть печенье, которое мой сын сжег утром.

Торн знала, что мужчина не подразумевал ничего плохого, спрашивая о подгоревшем печенье. Обычно им с отцом не доставало монет на что-то дорогое, поэтому они брали все, что им давали.

Но сегодня все совсем по-другому. Сегодня все изменилось.

— Два ягодных пирожных, — сообщила она пекарю, улыбаясь от уха до уха.

Мужчина ответил ей заразительной улыбкой и принялся упаковывать заказ.

— Твоему отцу есть что отпраздновать?

Торн с энтузиазмом кивнула, протягивая руки к завернутым в бумагу пирожным.

— Сегодня мы сделали золото.

Пекарь замер.

— В смысле, *настоящее* золото? Не ту тарбарщину, которую он сделал в прошлый раз?

— Нет, — возразила Торн. — Настоящее золото. Я видела его собственными глазами.

Она глубоко вдохнула аромат выпечки, чувствуя, как текут слюнки, а затем отодвинула край бумаги, чтобы взглянуть на лакомства.

Клубнику она любила больше всего.

Пекарь тихо рассмеялся.

— Рад слышать. Ну, иди давай.

Торн помахала рукой на прощание и выскочила за дверь. Она побрела по улице, вдоль которой выстроились причудливые дома с покатыми крышами, выложенными плиткой. Их дом тоже выглядел так, вот только плитка потрескалась, краска облупилась, а лестница стонала каждый раз, когда по ней ходили.

Отец встретил ее на окраине со свертком под мышкой.

Она протянула ему пирожные.

— Я успела!

— Спасибо тебе, Торн. — Глаза отца блеснули, и он кивнул на угощение. — Почему бы нам не съесть их по дороге домой?

У нее отвисла челюсть.

— Десерт до ужина?

— Я никому не скажу, если ты тоже будешь молчать, — прошептал он.

Она хихикнула и вгрызлась в пирожное. Весь путь они преодолели очень быстро.

Солнце село, и Торн вздохнула, когда они вошли в дом. Тепло очага согрело кожу. Она даже не заметила, что замерзла. Девочка потерла рукой свой полный живот и рухнула в маленькое кресло перед камином.

— Так вкусно, — сказала она, снова облизывая пальцы.

— Мистер Баркле знает толк во вкусных угощениях, — заметил отец, закрывая дверь. Его ботинки глухо стучали по полу, пока он шел на кухню. — Я купил свинины у мясника. Ты голодна?

Она встала на колени и посмотрела на него поверх спинки стула.

— Не очень.

Он усмехнулся.

— Мясу нужно время, чтобы поджариться, но, по крайней мере, наши пирожные немного утрусатся. Почему бы нам не почитать немного?

Пока папа готовил мясо, Торн поднялась со стула и побрела в свою любимую комнату — библиотеку. Здесь вдоль стен тянулись книжные полки — каждая до краев заполнена книгами. Посередине стоял письменный стол, за которым папа работал, а она училась.

Девочка подошла к нижней полке у южной стены и достала старую фиолетовую книгу сказок. Когда она вернулась в гостиную, отец уже насаживал свинину на вертел над огнем и разговаривал сам с собой.

— Столько всего нужно подготовить для ярмарки через две недели, — бормотал он. — Конечно, придется повторить эксперимент несколько раз, чтобы убедиться, что это не случайность. Еще нужно добыть сырья. Если продадим немного золота, то сможем купить новую ломовую лошадь. Уинни уже не справляется с такой нагрузкой и...

Торн забралась обратно на стул рядом с отцовским креслом, обтянутым потертой кожей, и открыла книгу сказок, параллельно прислушиваясь к тому, как он переворачивает мясо. Он бессвязно бормотал обо всем, что ему предстоит сделать перед поездкой, а она про себя читала отрывки из рассказа и рассматривала красочные картинки. В какой-то момент веки начали опускаться, и она зевнула.

— Моя розочка, ты слишком быстро взрослеешь.

Торн, моргая, посмотрела на него. Он улыбнулся, отчего морщинки вокруг его рта и глаз прорисовались более четко. Папа старел.

— Я уже большая, — поправила она его.

Отец сел в кресло и некоторое время наблюдал за ней.

— Я оказал тебе медвежью услугу, милая. Ты становишься взрослее. Может быть, тебе стоит почаще играть с деревенскими детьми?

— Мне нравится играть, но еще больше мне нравится проводить время с тобой, папа.

Он улыбнулся и кивнул на книгу, лежащую у нее на коленях.

— Опять сказки?

— Картинки красивые, — заявила она.

— Тут ты права. — Он раскинул руки в стороны. — Давненько ты мне не читала. Почему бы тебе не начать?

Торн кивнула и соскользнула со стула, от чего скрипнул пол. Она подошла к отцу и протянула ему книгу, а он усадил ее к себе на колени. Девочка открыла фиолетовый сборник сказок на своем любимом рассказе о мальчике, который никогда не старел и нашел сокровище.

— Я могу прочитать его, — сказала она, снова зевая. Торн прижалась к груди отца и вдохнула запахи обугленного дерева и расплавленного металла, которыми всегда пахла его кожа. Запах дома.

— Хорошо, девочка моя, — прошептал отец, протягивая ей книгу. — Полагаю, тут ты закончила в прошлый раз.

Торн нетерпеливо взяла книгу из его рук.

— Давным-давно, — начала она, выпрямляясь, чтобы удобнее расположить книгу на коленях, — жил-был мальчик, одетый в зеленое...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Настоящее

Торн

-Знаю, ты бы посмеялся надо мной за то, что я ее снова перечитала, но такая уж я, ничего не поделаешь, — тихо произнесла Торн, нежно поглаживая книгу. Из-за тающего снега юбка совсем промокла, и у девушки стучали зубы. Книга была очень старой: уголки начали осыпаться, а золотые буквы местами выцвели или вовсе отсутствовали, но такой она любила ее еще больше. Джек назвал бы ее безнадежным романтиком, но эти слова крайне далеки от правды.

Благодаря книгам ей удавалось на время сбегать из реального мира, в котором настоящая любовь выживала в редких случаях.

Торн плотнее закуталась в шерстяной плащ и прижала книгу к груди. Она никогда не про-

пускала годовщину смерти отца, даже если шли дожди, сыпал снег и дули сильные ветра.

Она положила маленькое, сложенное пополам одеялко перед могилой отца, а затем аккуратно разместила на ней книгу.

— Каждый год я мечтала, чтобы ты вернулся домой, но, думаю, все мы когда-нибудь должны повзрослеть, — серьезно сказала Торн, поглаживая корешок фиолетовой книги. — Она для тебя.

По правде говоря, она не хотела с ней расставаться, но казалось неправильным держать книгу у себя. Она жила с разными людьми в странном доме и усердно зарабатывала на жизнь, выполняя для них поручения. Она давно выросла. Книга принадлежала отцу, единственному человеку, который по-настоящему понимал ее любовь к перу и чернилам.

Торн всегда будет помнить о том, как они вместе читали сказки. Она позаботится об этом. Книга — не более чем простая реликвия. Для того чтобы чтить память отца, она не нужна.

Следующие слова сорвались шепотом с губ:

— Я так сильно по тебе скучаю.

Ветер откинул капюшон плаща, и она вытерла глаза. Надгробие отца и близко не выглядело столько же величественным, как те, что его окружали. На его поверхности выгравировали всего лишь подтверждение того, что в могиле покоится именно отец Торн. Перед своей смертью

